

**Государственное
издательство
художественной
литературы**

Конст. Федин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕВЯТИ ТОМАХ

**Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962**

Конст. Федин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

ПИСАТЕЛЬ

ИСКУССТВО

ВРЕМЯ

**Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1962**

Примечания
Б. БРАЙНИНОЙ

...В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые.

Гоголь («О движении журнальной литературы»).

ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ

О ПУШКИНЕ

В яркий весенний день меня, семилетнего мальчика, мать взяла за руку и повела на большую городскую площадь. Пространство площади казалось мне необъятным, и оно было заполнено людьми. Народ стоял и куда-то смотрел. Все молчали.

Я видел только спины людей прямо перед своими глазами и непокрытые головы да кое-где цветные зонтики, горевшие на солнце.

Тогда мать подняла меня на руки и сказала:

— Смотри.

Я увидел море голов и множество зонтиков. Все это чуть колыхалось, и вокруг было очень тихо.

— Видишь? — спросила мать. — Смотри туда, где театр.

Вдалеке стоял громадный дом с длинным балконом. На балконе было много людей, кто в черном, кто в белом, над людьми веяли флаги, а под ними, на парапете балкона, висели гирлянды из листьев и материй.

— Ну, видишь, — Пушкин? — опять спросила мать. — Видишь, там один дядя говорит, а рядом с ним Пушкин.

И тогда я рассмотрел большую черную голову, которая поблескивала от солнца, и такую же черную грудь с отсеченными руками, и на голове этой лежал зеленый венок.

— Он железный, Пушкин? — спросил я.

— Он бронзовый.

— А зачем? — спросил я.

Не помню, каков был дальше мой разговор с матерью. Только знаю, что я тогда первый раз видел, как народ с обнаженными головами молча и тихо стоял перед увенчанным бюстом Пушкина, и что я тогда запечатлел в памяти это удивительное имя — Пушкин.

Это было в день столетия со дня рождения поэта, в 1899 году, в городе Саратове, на Театральной площади.

С тех пор имя Пушкина приобрело для меня совершенно особое, единственное содержание и все росло, увеличивалось в своем значении. Сначала оно заняло в моем сознании отличное от всех имен место. Потом оно как бы повело за собой те исключительные имена, какие я узнавал, изучая родную литературу. Наконец, это имя выдвинулось на передний план исторических представлений, из которых слагаются наши понятия о человечестве.

Как писателю, из всех областей искусства литература мне ближе других. Это — мир, который я люблю, это — дом, в который я спешу, где бы я ни был, это — очаг, меня согревающий и мне дающий свет. И в этом мире самая большая планета — Пушкин, в этом доме самый драгоценный взор — Пушкин, в этом очаге самый жаркий язык пламени — Пушкин.

Вот почему я благодарно вспоминаю тот весенний день, когда мать подняла меня над народом и сказала мне:

— Смотри. Там Пушкин.

И я увидел его — залитого солнцем, в зеленом венке.

Пушкин заложил начало всемирной славы русской литературы. Он был главным, обильнейшим источником нашей реалистической литературы XIX века, давшим ей направление и полноту мощи.

Он присутствует и в нашей новой, русской советской литературе, которая возникла из величайшей социальной революции Октября. Советская литература проверяет себя на Пушкине жизненно и художественно, корректирует свой труд Пушкиным. Создатель нового литературного языка, Пушкин истинной его жизнью считал мысль. И мы разделяем это. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат», — писал Пушкин. И мы стремимся никогда не забывать его завета.

После пролетарской революции, рожденный ею и возросший до десятков миллионов, советский читатель свободно наслаждается гением Пушкина. С каждым годом все больше новых, молодых и старых рук тянется из всех концов великого Союза народов за книгой с этим прекрасным, по слову Александра Блока — *веселым* именем. Как в любимом существе, народ ищет в Пушкине самые лучшие, заветные свои черты — свободомыслие, ненависть к рабству, жизнерадостность, поэтичность, любовь к песне и сказке. И еще никто не обманывался в Пушкине. Он всегда мужествен, прозрачен, неисчерпаем в своем блеске ума и богатстве сердца.

Мы горды тем, что Пушкин принадлежит народу. Эти слова теперь наполнены правдой, потому что революция явилась живой водой для народа и вместе с грамотой дала ему все сокровища истории. Глядя в свое прошлое, без всяких повязок на глазах, счастливые, что в нем возвышается такая вершина, как Пушкин, мы видим также всех виновников его трагического конца.

Гибель Пушкина — страшное событие в истории великой русской литературы. А история этой литературы знала много страшного, — может быть, слишком много! Она знала смертный приговор и ссылку Радищева, она знала повешение Рылеева, знала смертный приговор и каторгу Достоевского, знала гражданскую казнь и поселение в Сибири Чернышевского.

Крепость, тюрьма, сумасшедший дом подавляющими черными тенями следовали по пятам за самыми выдающимися писателями старой России.

И когда мы вглядываемся в судьбу Пушкина, когда своим воображением рисуем его жизнь, — день за днем, шаг за шагом, — когда видим его конец, нас охватывает негодование.

Поэт, переполненный творческими силами, с гением, столь же неугасимым в страстных стихах, как и в чудесной, трезвой прозе, человек клокочущей жизнеобильности, с душою ясной и прямой, — Пушкин жил под тайным надзором полиции, зная своих шпионов, получая от них неизменные уверения, что за ним не существует никакого надзора; Пушкин писал под неусыпным наблюдением цензора, которому было невозможно возразить, с которым было нельзя рассуждать, которого любой жест был сильнее любого закона, — Пушкин писал под цензурой царя; Пушкин обязан был испрашивать разрешение на опубликование своих стихов и прозы; он был обязан испрашивать разрешение на путешествия и поездки; он должен был получить соизволение на женитьбу. Пушкину на каждом шагу преподавались начальством советы, назидания, ему делались выговоры, двадцати одного года его сослали на окраину России, двадцати пяти — запрятали в деревенскую глушь. Вряд ли нам известны все случаи третирования, одергивания, остросток, соглядатайства и доносов, которые так отяготили жребий Пушкина. И мы лишь приблизительно можем себе представить, как угнетал Пушкина окружавший его свет — общество пустое, жестокое, бездельное, жадное до сплетен и скандалов, спесивое, раболепное перед самовластьем царя.

Деревня, когда-то опостылевшая, как тюрьма, стала казаться Пушкину спасением от издевательств и гнета Петербурга. Но царь запрещает ему покинуть столицу. Спустя немного больше года после этого запрета Пушкин опять настойчиво собирается в деревню. Но тут настигает его завязка трагедии, и дни его сочтены.

Пушкин смертельно ранен Дантесом около пяти часов вечера 27 января. Он живет после ранения сорок шесть часов. Почти все это время он в сознании. Близкие видят его умирающим, он прощается с ними мужественно и просто, как жил.

Его тело находится дома, на Мойке, около полутора суток. Молва о его смерти распространяется по городу быстро. Жуковский пишет, что, «конечно, более 10 000 человек приходило взглянуть» на мертвого Пушкина. Другой свидетель утверждает, что «в один день приходило на поклонение его гробу 32 000 человек». Третий пишет, что «со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50 000 лиц всех состояний». Четвертый говорит, что «народ туда валил толпами»; пятый — что «толпа публики стеною стояла против окон» квартиры Пушкина.

Видя происходящее, правительство врывается в события. Вдова Пушкина рассылает приглашения на отпевание тела покойного в соборе при Адмиралтействе 1 февраля. Полиция внезапно приказывает вынести тело в полночь с 30 на 31 января, и притом в другую — Конюшенную церковь. Вынос совершается тайком, в полной темноте. Запрещено жечь факелы. По соседним дворам и на улицах расставлены военные пикеты. Снуют переодетые шпионы. Целая толпа штаб- и обер-офицеров жандармерии во главе с начальником штаба корпуса жандармов наполняет дом и присутствует при выносе. К проводам допущены родные и не более десяти — двенадцати ближайших друзей Пушкина, по особому списку. «Нас оцепили, — жалуется Жуковский самому шефу жандармов, — и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви».

Но полицейская хитрость плохо удается. 1 февраля среди людей, собравшихся у Адмиралтейства, спешивших туда или пришедших к дому покойного на Мойку, молниеносно разносится слух об обмане, и народ устремляется на Конюшенную площадь. Эти три точки города находятся близко друг к другу, от дома на Мойке до Конюшенной площади — два шага.

Пока идет отпевание, площадь переполняется людьми. Народ стоит на улицах, ведущих к ней, и на набережных Мойки, и в домах. В церковь не пропускают. Через полицейские цепи невозможно пробраться. И все же, когда гроб переносят из церкви на соседний двор, в подвал, где покойному предназначено ожидать дальнейшей участи, и процессия на минуту показывается на площади, — преграды не выдерживают, и толпа едва не сминает несущих гроб.

Тело Пушкина стоит в подвале на Конюшенной площади двое с половиной суток. Открытого доступа к нему за это время нет. В глухую полночь с 3 на 4 февраля гроб, заколоченный в ящик, отправляют на почтовых, под охраной жандарма, прочь из Петербурга, для погребения в далеком Святогорском монастыре.

Гроб везут с подорожной, на перекладных. Это значит, что на почтовых дворах наспех перепрягают курьерских лошадей и, нимало не мешкая, мчат гроб дальше. Друг Пушкина, назначенный царем сопровождать его тело к месту погребения, Александр Тургенев, в своих потрясающих свидетельских описаниях последнего пути поэта выражается так: «За нами *прискакал* и гроб в седьмом часу вечера». Или: «Встречали тело на дороге, которое *скакало* в монастырь».

Да, было так. Тело Пушкина «скакало» по петербургским и псковским снежным равнинам, дальше, дальше от столицы, в глушь, без остановок и проволок, и впереди него неслись чиновные курьеры правительства, чтобы предупредить местные власти о воле государя императора: воспретить «всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию» при следовании гроба. С самим погребением спешили так, что могилу начали копать с вечера, а так как почва глубоко промерзла, рыли ночь напролет и поутру, на рассвете, 6 февраля предали Пушкина земле.

И даже в этом уединении на далеком монастырском кладбище, и в такой ранний час, когда, каза-

лось, все произошло украдкой и уж никто не мог видеть похорон, кроме крестьян из Михайловского, рывших могилу, да монахов, отпевавших в церкви тело, — и тогда присутствовал и следил за всем совершавшимся прибывший с гробом жандарм.

Так чем же вызывались эти экстраординарные предосторожности, почему похороны поэта окружались строжайшей тайной, зачем нужно было обманывать толпу, прятать от нее гроб, крадучись мчать его за сотни верст прочь от столицы? Почему все моменты прощания с Пушкиным, которые должны были бы быть особенно торжественными, приурочивались к мраку и безлюдью ночи?

Потому, что впервые в истории русской культуры смерть, как тогда говорилось, «автора», смерть сочинителя поэм и повестей, смерть литератора вызывала движение в народных массах. Факт историко-литературный — смерть писателя — стал фактом, стал событием русской истории. Вдруг сделалось необычайно ясно и очевидно, что погибший поэт достиг такой широты народности, о которой не догадывались ни в придворных кругах, ни вообще в «светском» обществе, ни даже в среде близких поэта. Правительство и сам царь, столичный «свет» и дворянство — люди, по привычке единственно себя принимавшие за прирожденных читателей литературы и с XVIII века знавшие почти исключительно придворных литераторов, вдруг должны были убедиться, что как будто на их же глазах, при дворе, в салонах, процветал поэт, нашедший отзвук неожиданно глубоко, на низких ступенях общественной лестницы, и что новые читатели состоят не только из высокообразованного сословия.

Как бы ни сдержанно относиться к свидетельствам о численности толп, хлынувших в трагические дни в дом на Мойке и на Конюшенную площадь, нет сомнения, что не один десяток тысяч людей стремился проститься с Пушкиным. Но что же это были за люди?

В часы, когда Пушкин боролся со смертью и мучился от боли, светское общество атаковывало нидер-

ландское посольство, выражая Дантесу свое удовольствие по поводу того, что он счастливо отделался от дуэли легкой контузией. Перед самым отпеванием тела Пушкина Тургенев писал:

«Одна так называемая *знать* наша, или высшая аристократия, не отдала последней почести гению русскому; почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов и пр., не пришел ко гробу Пушкина...»

Правда, лишь стало известно, что царь «простил» Пушкина, «светское» общество, чрезвычайно захваченное и занятое сенсационной дуэлью, решилось обнаружить свое участие и любопытство к событию, и тот же Тургенев свидетельствует, что наряду с дипломатическим корпусом, по приглашению почти полностью явившимся на отпевание, в церкви присутствовали чины двора, некоторые министры и собралось «множество дам, красавиц и модниц».

Но все это общество целиком поглотила маленькая Конюшенная церковь. Огромная же площадь перед нею, о которой современники говорили, что она «представляла собою сплошной ковер человеческих голов», и прилегающие улицы были заполнены совсем другой публикой.

Старший барон Геккерен, задачей которого после убийства Пушкина было выгораживание себя из дела и обеление Дантеса, старается обратить в пользу убийцы то обстоятельство, что смерть Пушкина отозвалась движением именно в широких общественных кругах. В одном из служебных писем Геккерен разъясняет, что общественное мнение, «высказавшееся при кончине г. Пушкина с большей силой, чем предполагали... принадлежит не высшему классу, который понимал, что в таких роковых событиях мой сын (то есть Дантес) по справедливости не заслуживает ни малейшего упрека... а лицам из третьего сословия, если так можно назвать в России класс, промежуточный между настоящей аристократией и высшими